

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ КАК ФЕНОМЕН КОММУНИКАЦИИ

В. А. Черванева

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 15 сентября 2015 г.

Аннотация: в статье описываются основные типы коммуникативных ситуаций бытования мифологического рассказа в традиции, проводится их сопоставление с искусственной ситуацией фиксации текста во время интервью. Выявляются основные параметры ситуации экспликации высказывания на мифологическую тему и их влияние на структуру текста.

Ключевые слова: мифологический текст, коммуникативная ситуация, структура текста.

Abstract: in my paper I will describe the main types of the communicative situations of existence of the mythological story. In particular I will try to reveal basic parameters of the situation of explication of mythological narratives and their impact on the structure of the text.

Key-words: mythological text, the communicative situation, the structure of the text.

Для современных исследований фольклора все более актуальным является рассмотрение этого феномена в его «этимологической» ипостаси¹, т. е. как сферы воплощения «народной мудрости» – коллективного знания традиции. Понимание фольклора не как эстетического, а как социокультурного феномена, как системы текстов культуры, основная функция которых — трансляция и аккумуляция значимой для социума информации, прослеживается в работах современных отечественных фольклористов – С. Б. Адоньевой [1], Е.Б. Артеменко [2, 65], С. Ю. Неклюдова [3], Б. Н. Путилова [4, 26], Т. В. Цивьян [5, с. 210–211], К. В. Чистова [6, 37] и др. Такой подход позволяет квалифицировать фольклор как коммуникативную систему, предполагающую контактную передачу сообщений, содержащих традиционные знания, представления, верования, оценки, от адресанта к адресату с использованием присущих народной словесности кодов.

Подход к фольклору как к феномену коммуникации предполагает рассмотрение фольклорного текста не в оторванном от реальности вербально-текстовом, «хрестоматийном» виде, а в рамках ситуации его бытования, с учетом ее коммуникативно-прагматических характеристик.

Такая исследовательская стратегия оказывается особенно актуальной для изучения мифологической прозы – текстов различной жанровой природы (былички, поверья, предписания, запреты и др.), описывающих взаимоотношения человека с миром сверхъестественного с установкой на достоверность сообщаемого. По содержанию эти

¹ Термин «фольклор» (от англ. «folklore» – «народная мудрость») впервые ввел английский ученый У.Дж. Томс в 1846 г.

тексты представляют собой рассказы о контактах человека с различными мифологическими персонажами (например домовым, «ходячим» покойником, «барабашкой», НЛО и проч.) и – шире – о явлениях, которым дается мифологическая интерпретация (сглаз, порча и др.)², а по языковой фактуре – это тексты, для которых характерна низкая степень структурированности, слабая выделенность из потока разговорной речи, значительная зависимость формы текста от внешних условий его порождения [11].

Впервые пристальное и целенаправленное внимание к коммуникативному аспекту бытования мифологической прозы было проявлено в работах Е. Е. Левкиевской [12; 13]. Мифологический текст рассматривается ею как элемент разговорной коммуникации, а его структура, семантика, способы языкового выражения воплощенных в нем мифологических представлений – как детерминированные коммуникативными условиями порождения текста.

Такой подход позволил Е. Е. Левкиевской обнаружить проблему полевой фольклористики, которая ранее не была эксплицирована в научной литературе, а именно: искусственная ситуация интервью, в рамках которого обычно производится сбор фольклорного материала, составляющего потом содержание сборников мифологической прозы, на самом деле дает искаженные результаты. Текст, вырванный из естественных условий бытования, спровоцированный вопросами собирателя, да еще и не всегда грамотного с коммуникативной точки зрения, по своему содержанию и структуре значительно отличается от текстов, бытующих в естественной среде по своим собственным законам воспроизведения и ретрансляции [13, с. 361–362].

² Об особенностях мифологического мышления и присущих ему объяснительных схемах см.: [7; 8; 9; 10 и др.].

Так, естественная ситуация бытования былички – непринужденная беседа на досуге, обмен репликами людей, которые состоят в доверительных отношениях, поэтому быличка по своей природе двучленна, диалогична, она предполагает когнитивное взаимодействие и взаимопонимание собеседников. «Двучленность былички, – поясняет исследовательница, – заключается, прежде всего, в том, что на говорящем лежит функция рассказывания типологически адекватного повествования, своего рода – «картинки», соответствующей той или иной семантической модели, известной в данной традиции и обладающей необходимым количеством релевантных признаков, необходимых для правильного «опознания» слушающим этой картинки. Однако обязанность «отождествить» представленную «картинку» с возможным именем-идентификатором лежит отнюдь не на рассказчике (как думают многие наши фольклористы), а на слушателе» [13, 347].

Именно ситуация беседы, предполагающая смену реплик собеседников, создает необходимые условия для осуществления «быличкового диалога», который Е. Е. Левкиевская справедливо сравнивает с частушечным агонем – «соревновательным» исполнением частушек во время гуляний, описанным С. Б. Адоньевой [1, с. 148–158].

Очевидно, что ситуация исследовательского интервью принципиально иная и совершенно или практически исключая названные признаки. И тексты, собранные в рамках интервью, получают иные – по сути, это ответы на прямые вопросы собирателя о наличии того или иного мифологического явления, прямые характеристики мифологического персонажа. Ср. примеры из весьма авторитетного сборника мифологической прозы [14]:

Домовой, хозяин есть такой. Он не показывается, никто его не видит (№ 76).

Хозяин лесу есть. В зеленой одежде ходит, в ботинках, и кепка, фуражка зеленая (№ 129).

А вот в бане есь свой, то уж не домовой, а банник, хозяин бани он, там живет, тоже безобразит, говорят (№ 194).

Как видим, это экспликации мифологических представлений, «фольклорного знания» в форме определения, к которым с разной степенью регулярности может быть присовокуплено повествование о случае контакта человека с этим мифологическим персонажем. Эти высказывания удовлетворяют собирателя, но надо отдавать себе отчет, что они не существуют в традиции в такой форме, поскольку сама ситуация, которая спровоцировала их появление, в традиции отсутствует.

И возникает вопрос – насколько пригодны для изучения реального состояния фольклорной традиции те тексты, которые берутся в качестве материала исследования? Особенно остро этот вопрос встает, когда исследователь ставит перед собой за-

дачу изучить не мифологические представления, воплощенные в тексте, а сам текст, его структуру, его языковые основы – лексику, синтаксис, композиционно-речевую организацию.

К сожалению, обнаружение проблемы – несоответствия объекта изучения его аутентичной форме – не решило автоматически эту проблему. Чтобы текст пристально анализировать, необходима его фиксация, а в естественных условиях бытования мифологических рассказов, предполагающих доверительный характер отношений коммуникантов и особую ситуацию беседы, а не разговора, запись текстов не всегда возможна – именно в силу доверительности этой ситуации.

Возникают ограничения этического характера: запись текста без предупреждения может быть расценена как нарушение прав человека (информанта)³. Однако при соблюдении всех формальных требований ситуация общения естественным образом становится искусственной – информант и собиратель теряют статус собеседников и становятся «опрашиваемым» и «вопрошающим».

Сложности с «живой» записью текста могут быть и чисто технического характера. Особенно редко удается записать мифологический текст, который возникает спонтанно в процессе коммуникации и инициатором которого является сам рассказчик – при том, что *a priori* именно такие тексты и представляют наибольшую ценность как в большей степени соответствующие естественной среде бытования словесности подобного рода.

Как один из вариантов преодоления ситуации ножниц в исследовании мифологических текстов может быть использован метод включенного наблюдения при условии вживания собирателя в среду информантов или же изначальной включенности исследователя в эту среду (при наблюдении за речью соседей, родственников, знакомых).

Если попытаться обобщить случаи, в которых приходилось наблюдать «живое» бытование мифологических текстов, когда текст возникал спонтанно, без целенаправленного вопроса на «мифологическую» тему, то можно выделить три типа таких ситуаций:

- «классическая» ситуация;
- ситуация «передачи опыта»;
- ситуация «доверительного сообщения».

Ситуация первого типа – «классическая» – достаточно детально описана Е. Е. Левкиевской в работе «Быличка как речевой жанр» [13], и характеристики этой ситуации уже были названы выше – диалог равных по статусу собеседников, непосредственный, неформальный характер коммуникации; это

³ Этическая составляющая ситуации фиксации фольклорного текста в подобных условиях многократно обсуждалась в сообществе антропологов (см., напр., в [15; 16; 17] и др.).

ситуация досуга (например, беседа у костра на рыбалке), совместного, иногда вынужденного времяпровождения (общение попутчиков в вагоне поезда) и т. п. Если иллокутивная цель рассказчика былички будет адекватно воспринята собеседником, то последует «правильная» в коммуникативном плане реакция – ответная реплика в виде рассказа подобного же типа. Таким образом, в «классической» ситуации инициатива повествования переходит от одного участника диалога к другому и во время беседы происходит постоянная смена коммуникативных ролей.

Ситуацию второго типа – «передачи опыта» – приходилось наблюдать в непосредственном общении с собеседницей старшего поколения. Характерным признаком такой ситуации является коммуникативное доминирование рассказчицы, ее стремление воздействовать на собеседника, убедить его в достоверности сообщаемой информации. На вербальном уровне данная прагматическая установка проявилась в наличии конструкций, выполняющих функцию подтверждения статуса источника информации.

Источники мифологической информации (или же мифологической интерпретации сообщаемого) можно свести к трем разновидностям:

1) рассказчик в меморате (повествовании от 1-го лица о собственном опыте). Функцию подтверждения его авторитета выполняют обращения к собеседнику – в форме вопроса или утверждения:

*Три часа ночи... Звонок нам. Я просыпаюсь, Серафимыч [муж] подходит к телефону, и я говорю: «А что такое?» <...> «Да это меня там по работе спросили...» А я проснулась от звонка и от того, что передо мной появился мой папа, вот, во сне, во сне появился. А утром он мне говорит, Серафимыч: «Я не стал тебе ночью говорить: мама, моя мама упала – в три часа ночи. В три часа мой папа передо мной стоит. Вот, Вика, ты понимаешь, **ведь ты же меня знаешь, что я непыющая, ничего, и вот так вот...**»⁴;*

2) источник информации в фабулате (повествовании от 3-го лица об опыте другого человека) – вторичный нарратор [18, 79-80]. Ср.: примеры конструкций, выполняющих функцию подтверждения авторитета этого вида источника:

*Я вот с одной девочкой знакома, она тоже **такая, православная...** И она говорит <...> «Да, но первый помощник у меня остается мама». И она ее перед сном спрашивает там о чем-то, ты понимаешь, а мама ей советует.*

<Инф.>: *Теперь, у меня соседка была Наташа <...>, ты ее не знаешь.*

<Соб.>: *Знаю, у нее девочка умерла.*

⁴ Здесь и далее – запись из личного архива автора. Информант - Т. Л. В., 75 лет, проживает в пос. Подгоренском Воронежской обл., зап. 04.01.2014 г.

<Инф.>: *Да-да, Иринка. Ой, какая трагедия... И она мне говорит... Она очень славная девочка, эта Наташка. Я, говорю, развожусь с мужем. <...> И вот она заснула, а ночью, ночью мама ее – она умерла, мама ее, у нее был рак мозга – она встала, вернее, села на край постели и сказала: «Наташенька, не разводись». <...> И Наташа еще жила. И вот как раз хорошо, что она жила, почему: как раз когда разбилась ее Иринка, они на это время – он гулял у нее муж – забыли и вместе пережили это горе. Ты понимаешь, мама, видно, знала, что будет горе и поэтому сказала: «Не разводись». Если бы они развелись, он там к другой бы ушел, все равно это не то, чем когда рядом муж;*

3) источником мифологических интерпретаций может выступать коллективное традиционное знание, которое излагается в форме поверий, предписаний, запретов и др. Такого рода ссыла на авторитет традиции также выполняет функцию подтверждения достоверности сообщаемого. Ср.:

*Ты, конечно, знаешь, что **есть сны божественные, есть никакие, есть дьявольские.** <...> И вот эти, наверное, можно к светлым снам, к божественным причислить.*

*Но то, что **есть души у мертвых и они помогают**, это я всегда знала... <...> пойми, что к этим рассказам нельзя относиться наплевательски...*

Структурный элемент, устанавливающий доверительные отношения со слушателем, – просьба подтвердить доверие к нему как к рассказчику, как кажется, обусловлен иллокутивными целями инициатора мифологического рассказа – убедить слушателя в истинности произносимого, а также в истинности эксплицируемой им картины мира и таким образом побудить к определенному отношению к описываемому явлению (Ср.: «*пойми, что к этим рассказам нельзя относиться наплевательски...*»).

Следует отметить, что этот элемент встречается в текстах, произнесенных в ситуации общения между хорошо знакомыми, но все же не самыми близкими людьми. В ситуациях, когда между коммуникантами и так существуют близкие, доверительные отношения, специальное подтверждение доверия не требуется, поэтому в текстах, записанных или услышанных от родственников, этого элемента нет.

Что касается ссылки на авторитет традиции, она подтверждает истинность содержания текста, в некотором смысле «оправдывает» экспликацию текста на мифологическую тему и не зависит от степени близости собеседников. В данном случае фактором включения / невключения в повествование указанных элементов является скорее соотношение возраста коммуникантов: чем больше разрыв в возрасте, тем вероятнее мифологический нарратив будет сопровождаться комментариями в форме поверья, мантического текста, инструкции, что повышает дидактический потенциал текста.

Третий тип ситуации, в которой приходилось наблюдать «естественное» бытование мифологического текста, – «доверительное сообщение» – реализуется, когда человек рассказывает о своем уникальном опыте контакта со сверхъестественным и, в отличие от «классической» ситуации, не ждет, чтобы собеседник «опознал» то, что с ним произошло, а чтобы тот дал свою оценку, высказал свое мнение. При этом у самого рассказчика нет «пра-

вильного» ответа, он сам находится в состоянии когнитивной неопределенности, ожидает эмоциональной поддержки от собеседника. Наиболее часто такая ситуация наблюдается при экспликации рассказов о снах.

Подведем итоги – обобщим коммуникативно-прагматические характеристики описанных ситуаций «естественного» бытования мифологических текстов в виде таблицы:

Таблица 1.

Типы ситуаций	Соотношение статуса собеседников	Преобладающая форма речи	Иллокутивная цель рассказчика
«классическая»	равны по статусу	диалог	повествование
«передачи опыта»	рассказчик выше по статусу	монолог	побуждение (в форме убеждения)
«доверительное сообщение»	равны или рассказчик ниже по статусу	диалог	вопрос

Таким образом, представление о том, что мифологический рассказ как жанр фольклора существует в реальной коммуникативной среде, является прежде всего феноменом коммуникации, приводит к необходимости учитывать особенности ситуации фиксации этих текстов:

- естественный / искусственный (в рамках интервью) характер беседы;
- инициатива экспликации текста (произнесение текста по собственной инициативе или как ответ на вопрос);
- иллокутивные цели высказывания на мифологическую тему;
- характер отношений собеседников, степень их знакомства;
- соотношение возраста собеседников.

Учет названных факторов при анализе конкретного текста позволит точнее описать его содержание и структуру, выявить постоянные, инвариантные признаки и дифференцировать их от факультативных особенностей, детерминированных ситуацией экспликации высказывания на мифологическую тему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адоньева С. Б. Прагматика фольклора / С. Б. Адоньева. – Санкт-Петербург : СПбГУ; ЗАО ТИД «Амфора», 2004. – 312 с.
2. Артеменко Е. Б. Миф. Фольклор. Эстетика тождества / Е. Б. Артеменко // Этнопоэтика и традиция. К 70-летию члена-корреспондента РАН В. М. Гацака. – Москва : Наука, 2004. – С. 57–67.
3. Неклюдов С. Ю. Фольклор : типологический и коммуникативный аспекты / С. Ю. Неклюдов // Традиционная культура. – 2002. – № 3. – С. 3–7.
4. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура; In

memoriam / Б. Н. Путилов. – Санкт-Петербург, 2003. – 457 с.

5. Цивьян Т. В. К семантике пространственных элементов в волшебной сказке / Т. В. Цивьян // Типологические исследования по фольклору : Сб. ст. памяти В. Я. Проппа. – М., 1975. – С. 210–211.

6. Чистов К. В. Народные традиции и фольклор / К. В. Чистов. – Ленинград, 1986. – 304 с.

7. Неклюдов С. Ю. Структура и функция мифа / С. Ю. Неклюдов // Современная российская мифология / [сост. М. В. Ахметова]. – Москва : РГГУ, 2005. – С. 9–26.

8. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – Москва : Наука, 1976. – 408 с.

9. Элиаде М. Священное и мирское / М. Элиаде. – Москва : МГУ, 1994. – 144 с.

10. Голосовкер Я. Э. Избранное : Логика мифа / Я. Э. Голосовкер. – Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2010. – 494 с.

11. См. материалы круглого стола «Народная мифологическая проза : новые методологические подходы» (ЦТСФ РГГУ, 20 марта 2013 г.) URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/mythological_prose_abstracts.pdf (дата обращения: 16.04.2014).

12. Левкиевская Е. Е. Восточнославянский мифологический текст : семантика, диалектология, прагматика : дис. ... д-ра филол. наук / Е. Е. Левкиевская. – Москва, 2007. – 634 с.

13. Левкиевская Е. Е. Быличка как речевой жанр / Е. Е. Левкиевская // Кирпичики : фольклористика и культурная антропология сегодня : Сб. статей в честь 65-летия С. Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности. – Москва : РГГУ, 2008. – С. 341–363. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/levkievskaya5.htm> (дата обращения: 20.10.2014).

14. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / [сост. и автор комментариев О. А. Черепанова]. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 1996. – 212 с.

15. Мороз А. Б. Заметки «инквизитора»: к вопросу об этике полевой работы / А. Б. Мороз // Живая старина. – 2008. – №1(57). – С. 32–34.

16. Соколова З. П. И вновь о методологии и методике полевых исследований? / З. П. Соколова // Этнографическое обозрение. – 2010. – № 5. – С. 170–178. URL: http://journal.iea.ras.ru/archive/2010s/2010/Sokolova_2010_5.pdf

(дата обращения: 21.10.2014).

17. Этические проблемы полевых исследований // Антропологический форум. – 2006. – № 5. – URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/06/2006_5/ (дата обращения: 21.10.2014).

18. Шмид В. Нарратология / В. Шмид – Москва : ЯСК, 2003. – 312 с.

Воронежский государственный педагогический университет

*Черванева В. А., кандидат филологических наук, доцент
E-mail: viktoriya-chervaneva@yandex.ru*

Voronezh State Pedagogical University

*Chervaneva V.A., Candidate of Philology, Associate Professor
E-mail: viktoriya-chervaneva@yandex.ru*